

Сергей Сергеев

ЕЩЁ РАЗ О РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ¹

Столетие “Вех”, отмечаемое в марте сего года – прекрасный повод поговорить о русской интеллигенции. После “особого пути”, это, наверное, наиболее мифологизированный “бренд” нашего национального дискурса.

Вплоть до мелочей. - Когда и кто ввел слово “интеллигенция” (в современном его значении) в русский язык? Люди более или менее образованные скажут, что сие великое дело совершил в **1866** году писатель П.Д. Боборыкин. Но, оказывается, даже здесь мы имеем дело с мифом, источником коего является сам Боборыкин, ему почему-то поверили на слово (да просто лень было проверять!). Между тем, данное понятие уже в **1863** году, как минимум в двух статьях употребил славянофил И.С. Аксаков.

Впрочем, это и вправду мелочь. Но вот миф посерьезней. Дескать, русская интеллигенция совершенно исключительная, небывалая, такой нигде больше в мире нет: на Западе – прагматичные и конформистские специалисты-интеллектуалы, а у нас “идейные и беспочвенные” (Г.П. Федотов) правдо(народо)любивые интеллигенты. На самом же деле, и социально, как группа, и интеллектуально, как ряд идеологий, – русская интеллигенция аналогична западноевропейской (точнее, *западноевропейским*, ибо между английскими, французскими и немецкими интеллектуалами – масса различий).

Скажем, русские радикальные публицисты второй половины XIX – начала XX веков весьма схожи со своими французскими собратьями по перу накануне Великой Революции, во всяком случае, в авторитетном изображении А. де Токвиля: “Каждая общественная страсть обращалась ... в философию; политическая жизнь была насильственно вытеснена в литературу, и писатели, взяв на себя руководство общественным мнением, в какой-то момент оказались на том месте, которое в свободных странах обычно занимают партийные вожди”. Даже учительство “великих писателей земли русской” имеет очевидную параллель в европейской культуре, достаточно вспомнить прижизненный статус Вольтера и Руссо, Шиллера и Гете, Гюго и Жорж Санд. Просто в России все это произошло позднее, чем в Западной Европе. Кроме того, исторический контекст (“догоняющая” модернизация, слабость буржуазии, преобладающее

¹ Опубликовано с небольшими изменениями и дополнениями в журнале “Москва”, 2009, № 3. Кроме того, у Сергея Сергеева 10 декабря 2009 г. была презентация новой книги: *Сергеев С. Пришествие нации.* – М.: Скимен, 2010, 304с. (– прим.ред).

влияние дворянской культуры и т.д.), в который попала русская интеллигенция, сделал ее действительно более “беспочвенной”, более “свободно парящей”. Впрочем, если вспомнить общественную активность Камю и Сартра, Фуко и Бурдьё, то окажется, что и в современной Европе тип “русского интеллигента” весьма распространен и влиятелен. Своеобразие (не уникальность) русской досоветской интеллигенции носит не сущностный, а конкретно-исторический характер.

Наконец, есть мифы воистину судьбоносные, ставшие не только важнейшей частью нашего общественного сознания, но и весьма действенным политическим фактором. В одном из них, интеллигенция прославляется как община святых, в другом проклинается как легион бесов. Мифы эти конкурируют друг с другом, сталкиваются в непримиримой борьбе, о них спорят до хрипоты, они разрушают семейные и дружеские связи, становятся паролями для враждующих идейных течений... Не пора ли посмотреть на них трезвым взглядом: насколько адекватно они отражают реальность?

Такие попытки уже предпринимались. В качестве примера можно назвать интереснейшую книгу Александра Кустарева “Нервные люди. Очерки об интеллигенции”, вышедшую в 2006 году в сопровождении важного предисловия Андрея Фурсова. Не все тезисы Кустарева мне показались равно убедительными, но серьезно писать об интеллигенции без учета этой книги сегодня уже невозможно. Она действует как холодный душ на полусонного ленивца. Автор безжалостен к интеллигентской мифологии и не оставляет от нее камня на камне. Для тех, кто хочет видеть социальную действительность без покровов “возвышающих обманов” — это обязательное чтение.

Попробуем и мы внести посильную лепту в дело демистификации интеллигентской проблемы. Для начала определимся с терминами. С моей точки зрения, наиболее удобно/операционально понимать интеллигенцию как *особую социальную группу, профессионально занятую производством и распространением общественно-политических идей и гуманитарных знаний*. А “работников умственного труда” вообще (в число которых, естественно, входят “технари”, “естественники”, “бюрократы” и т.д.) можно обозначить как обобщенный “образованный слой”. Радищев, Карамзин, Пушкин, Герцен — конечно же, не интеллигенты, а дворяне-интеллектуалы. При таком строго социологическом подходе многие популярные мифлогемы легко упраздняются.

Итак, с одной стороны, существует “розовый” миф интеллигенции, придуманный самими интеллигентами и успешно навязанный значительной части общества. В нем интеллигенция воспевается как “представитель ноосферы на земле”, “носитель разума, интеллекта, прогресса, культуры и других ценностных категорий” (подлинная цитата из современного научного сборника). Слово “интеллигент”, по сути, становится маркером высокодуховного, высоконравственного и хорошо воспитанного человека.

Интеллигент — это что-то особенное.

“Интеллигент — антоним хаму” (Ю.М. Лотман). “Интеллигентом нельзя притвориться” (Д.С. Лихачев). “Если пользоваться известной поговоркой об одеяле, которое тянут на себя, то интеллигент оставляет себе лишь минимальный кусочек одеяла, а то и просто остается непокрытым...” (Б.Ф. Егоров).

Неловко читать этот патетический вздор, подписанный именами уважаемых ученых, вмиг утративших способность к критической рефлексии, как

только дело дошло до разговора о том социальном слое, к которому они принадлежат, и потонувших в откровенной — до пародийности — самоапологетике. Может каких-нибудь чувствительных домохозяек она и способна привести в состояние благоговейного экстаза, но... *“мы ведь с тобой кое-что знаем про интеллигенцию”* (Р. Олдингтон).

Хамов в “научно-культурных учреждениях” не меньше, чем где бы то ни было; за самый “минимальный кусочек одеяла” интеллигенты бьются (вплоть до натуральной рукопашной) столь же свирепо и беспощадно, как и представители любого другого социального слоя ... Другое дело, что все это обычно прикрывается благородным флером “борьбы идеалов/принципов”, но, как говорится в бессмертном “Медведе”: “А заглянешь в душу — обыкновеннейший крокодил”. Особенно, конечно, умиляет пассаж про то, что интеллигентом нельзя притвориться. А офицером — можно? Бизнесменом — можно? Вором “в законе” — можно? Не трудно на какое-то время прикинуться кем угодно, но профессионал быстро обнаружит подделку.

Отождествление “интеллигента” с “хорошим человеком” решительно отдает детским садом. Все “хорошие дяди и тети” (даже, если у них “незаконченное среднее”) — интеллигенты, а все “плохие дяди и тети” (даже, если у них академический титул) — не интеллигенты (а кто? — “хамы”, наверное). То есть интеллигенция превращается из социальной группы в секту нравственно чистых индивидов. Это уже само по себе странно: почему именно она? Кем доказано, раз и навсегда, что писать книжки и читать лекции — занятие наиболее добродетельное? Что за “интеллигентский расизм”? А главное, как определить критерии “хорошего” и “плохого”? На практике чаще всего “хорошие” — это те, кто с нами заодно (“наши”), а “плохие” — те, кто нам ставит палки в колеса (“не наши”). История русской интеллигенции от Чернышевского и Каткова до Новодворской и Проханова изобилует выразительнейшими примерами моральной дискредитации по идейно-политическим причинам (Лесков в 1862 году афористически сформулировал кредо своих шибко либеральных оппонентов: *“Если ты не с нами, так ты подлец”*). Короче говоря, мы — “хорошие”, потому что мы — это... “мы” (*“На мне и грязь хороша, ибо я — это я”* — В.В. Розанов). Все это “по-человечески” (в смысле, — “по-готтентотски”) очень понятно, но причем тут “ноосфера”, “прогресс”, “культура” “и другие ценностные категории”?

Интеллигентский автоэротизм питает и широко распространенное мнение, будто бы главным двигателем истории являются разного рода идеи и, разумеется, их носители — высоколобые мудрецы. Хотя, казалась бы, хрестоматийный конфуз, случившийся с “божественным Платоном”, наивно пытавшемся “духовно руководить” сиракузским тираном, но, в итоге, проданном в рабство, должен как-то охлаждать пыл его гораздо менее даровитых коллег. Но как, сидя в тиши уютного кабинета, отбросить соблазн ощущать себя — “такого умного и образованного” (ну, может быть, вкупе с избранной компанией некоторых симпатичных “предшественников” и “друзей-единомышленников”) рупором “всемирного духа”! В мало читаемом (и совершенно напрасно) эпилоге “Войны и мира” Толстой с саркастически-разящей точностью выразился насчет интеллигентской приватизации “законов истории”: “...история пишется учеными, и потому им естественно и приятно думать, что деятельность их со словия есть основание движения всего человечества, точно так же, как это ес-

тественно и приятно думать купцам, земледельцам, солдатам (это не высказывается только потому, что купцы и солдаты не пишут истории)...”.

Пора бы выбросить на свалку пропагандистского старья душещипательные басни об интеллигенции как о группе пылких энтузиастов, не имеющих собственной “шкурной” корысти, а, якобы, чисто идеалистически жертвующих собой ради блага всего общества в целом. То, что интеллигенты нередко предпочитают материальным благам (в узком смысле слова) так называемые “блага духовные” может казаться убедительным доказательством этого утверждения только при самом поверхностном рассмотрении вопроса.

Во-первых, интеллигентам очень часто просто *приходится довольствоваться* “духовностью”, ибо, как пел любимый бард шестидесятников, “пряников сладких всегда не хватает на всех”. Посему следует нехитрая психологически-компенсаторная операция: нужда выдается за добродетель. Но все может измениться, если последует по-настоящему выгодное предложение, “от которого невозможно отказаться”.

Во-вторых, после Ницше, Фуко и Бурдьё полагать интеллектуальную деятельность вполне “бескорыстной” — не слишком, прошу прощения за каламбур, интеллектуально. Сильный ум и блестящая образованность дают их обладателям так называемый “символический капитал” (который, при случае, может конвертироваться в капитал “экономический”), престижный статус (для человека не менее значимый, чем богатство, более того деньги — лишь один из способов его приобретения) и духовную (то есть самую тонкую и сладостную) власть над людьми менее умными и образованными.

Впрочем, интеллигенты, когда у них для этого появлялись возможность, не брезговали и властью политической. Конечно, они захватывали ее “не корысти ради”, а токмо волею пославшего их многострадального народа, а как же иначе? Хороший пример — наши до боли родные большевики. Кем они были по социальному положению? Почти вся верхушка “ленинской гвардии” — “литераторы”, то есть интеллигенты *par excellence* (сам “Ильич”, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Луначарский, Чичерин, Киров, Сокольников, даже Сталин), прибавим сюда партийных публицистов типа Базарова, Богданова, Воровского, Коллонтай, Ольминского, Покровского, отца и дочь Рейснеров, Рязанова, Скворцова-Степанова *e tutti quanti*... За что они боролись? За “диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства”. Получили ли рабочие и крестьяне реальную власть в “первом в мире социалистическом государстве”? Ответ известен. Так для кого брали власть интеллигенты-большевики? Правильный ответ: *для себя*.

Чрезвычайно чуткий, хотя и не менее сумбурный, отец русского анархизма Михаил Бакунин в 1873 году, сражаясь с Марксом и Лавровым, со свойственной ему “страстью к разрушению” и виртуозным красноречием гневно клеймил ненавистную ему диктатуру “аристократов интеллигенции”: “Ученый уже по своему существу склонен ко всякому умственному разврату, и главный порок его — это превозношение своего знания, своего собственного ума и презрение ко всем незнающим. Дайте ему управление, и он делается самым неносным тираном, потому что ученая гордость отвратительна, оскорбительна и притеснительнее всякой другой. Быть рабами педантов — что за судьба для человечества! Дайте им полную волю, они станут делать над человеческим обществом те же опыты, какие ради пользы науки делают теперь над кроликами, кошками и собаками”. Позднее идеологи “махаевщины” трактовали ин-

теллигенцию как “эксплуататорский класс”, идущий на смену буржуазии. “Справа” волю к власти “грамматократии”, “интеллигентской бюрократии”, “интеллигентской теократии” разоблачали Константин Леонтьев, Иосиф Каблиц-Юзов, Лев Тихомиров... Сегодня идеи об интеллигенции как о восходящем “новом классе” — “культурбуржуазии”, как о “современном клире”, nasledующем в своих властных претензиях папству, в западной социологии не только не “ереси”, но, скорее, “мейнстрим”.

Кажется, мы достаточно обсудили “розовый” миф интеллигенции. Пару слов нужно сказать и о мифе “черном”. В нем “представитель ноосферы на земле” живописуется как едва ли не главная разрушительная сила в русской истории: “Именно интеллигенция погубила Россию. Она свалила империю и Церковь” (М. Ардов); “Россию погубила западническая «интеллигенция» последние 200 лет стремлением установить Европу в России” (Вл. Нилов). Эти стереотипные цитаты, четко и ясно выражающие суть указанного мифа, были найдены мной, что называется, методом “тыка”: я просто зашел в Интернет и набрал в системе поиска фразу: “Россию погубила интеллигенция” — ее вариации тут же посыпались как из рога изобилия. Пикантно, кстати, что авторы вышеприведенных пассажей полнейшие антиподы: первый — ярый антисоветчик, второй — последовательный национал-большевик (в устряловском, а не в лимоновском смысле).

В более широком социокультурном контексте интеллигенцию усердно уничтожают как некую экзистенциально растленную породу людей, зараженную рационализмом, скептицизмом, безверием, критиканством, “государственным отщепенством” (П.Б. Струве), во все времена и при всех режимах разлагающую “народную душу” своим “трупным ядом”.

Конечно, интеллигенция приложила руку к крушению Российской империи, однако не стоит делать ее единственным козлом отпущения в этом поистине общенародном деле (между прочим, самые принципиальные и талантливые защитники русского самодержавия тоже интеллигенты — от Михаила Погодина и Федора Достоевского до Бориса Никольского и Андрея Вязигина). Куда значительнее роль крестьянства, которое составляло, по меньшей мере, 80 % (а некоторые историки полагают даже, что 97 %) населения страны в начале прошлого столетия (интеллигенция насчитывала тогда менее 1 %). Аграрные беспорядки, сотрясавшие Россию с 1902 года и перешедшие в 1905 году в настоящую аграрную революцию (департамент полиции зафиксировал в 1905 — 1907 годах 7165 крупных крестьянских волнений, а вместе с мелкими их было более 22 тысяч), которая потом повторилась с еще большим размахом в 1917-м, — конечно, более значимый революционный фактор, чем вся интеллигентская политическая активность вместе взятая. Кроме того, крестьянский радикализм питался не социалистической пропагандой (как минимум 70 % крестьян было неграмотными), а непосредственно вытекал из сельского малоземелья, общинного “аграрного коммунизма”, созданного усилиями царской администрации, и гражданской неполноправности землепашцев (их перестали пороть по суду только в 1904 году). Здесь скорее новое издание “пугачевщины”, которую интеллигентским козням уж точно не припишешь.

Рабочие в феврале 1917-го забастовали совершенно стихийно, и лишь потом их взяли под контроль социалисты из Петросовета. Генералитет, почти единогласно поддержавший отречение Николая II (среди прочих, великий князь Николай Николаевич) тоже ведь к интеллигенции не отнесешь, но

именно его позиция предрешила отказ от борьбы последнего российского императора. Да и вообще 9/10 страны бурно ликовали после свержения монархии (в том числе и подавляющее большинство клира). Так что: “нет Родион Романыч, тут не Миколка”, во всяком случае, не один “Миколка”. Главными же виновниками катастрофы следует считать, не кого-нибудь, а именно самодержавие и царскую бюрократию, самоубийственно оттягивавших решение многочисленных социальных противоречий, терзавших империю (что модернизацию и либерализацию можно совместить с сохранением традиционных ценностей и даже монархии блестяще показала революция/реставрация Мэйдзи в Японии).

Кстати, по цитированному выше Вл. Нилову получается, что 200 лет, то есть с 1805 года (его текст написан в 2005 году) интеллигенция пыталась “установить Европу в России”. Почтенный автор почему-то забывает, что сие “установление” началось гораздо раньше, и инициировали его никакие не интеллигенты (которых тогда и в проекте не существовало), а российские самодержцы, начиная с Алексея Михайловича. Именно они, наряду с другими западноевропейскими диковинками, импортировали на русскую почву и экзотический цветок “*мыслящего пролетариата*” (Д.И. Писарев). Без его массового насаждения европеизация огромной страны была немислима. Но властью с амбициозными “грамотократами” ни императоры, ни высшее петербургское чиновничество делиться не собирались. Отсюда — конфликт, перешедший в бой не на жизнь, а на смерть: смерть обоих родичей-антагонистов.

Интеллигент:

*...пасынок, изгой самодержавья
И кровь кровей, и кость его костей —
Он вместе с ним в циклоне революций
Размыкан был, растоптан и сожжен...
Судьбы его печальней нет в России.
И нам — вспоенным бурей этих лет —
Век не избыть в себе его обиды,
Гомункула, возвращенного Петром
Из плесени в реторте Петербурга.*

(Максимилиан Волошин).

Советская интеллигенция — тоже “кровь кровей” и “кость костей” уже другой, коммунистической власти, но она никогда не имела такого уровня свободы и гражданской смелости, какой обладала ее “старорежимная” предшественница. Немногочисленным “диссидентам”, конечно, непосильно было развалить СССР, это сделала верхушка партийной бюрократии. Ельцина поддерживали все слои населения, особенно, если кто помнит, шахтеры. Так что избрывать интеллигенцию главным (или даже единственным) виновником гибели не только “белой”, но и “красной империи” и исторически, и морально несправедливо.

Что же касается разъедающе-скептического интеллигентского “духа”, то он, действительно, был, есть и будет родовой отметиной “мыслящего пролетариата”. Но именно в рационально-критическом рассуждении как культурной практике и состоит социальная функция интеллигенции, именно этого от нее и требует проектное (и, следовательно, рационалистическое) общество Модерна. “Не мы такие, жизнь такая”. Традиционное общество в массовом слое “критически мыслящих” индивидов не нуждалось, сегодня без него ни-

как не обойтись. Можно, при желании, известить интеллигенцию “под корень”, но потом ее все равно придется выращивать заново, и эта новая поросль неизбежно (причем довольно скоро) приобретет ту же “отрицательную” ментальность.

Критика интеллигенции, разумеется, необходима. (*“...Ничто не должно оставаться вне социологической критики, даже — и в особенности — критикующие интеллектуалы”* — Пьер Бурдьё). И чаще всего она исходит от самих же интеллигентов. Название одной из рецензий на “Вехи” очень точно определило суть сборника: “Интеллигенты об интеллигентах”. Но не всегда такая критика преследует цель выяснить истину. Очень часто за ней прячется межклановая борьба за статус: дескать, интеллигенция (под которой имеется в виду конкурирующая группа) — это плохо, а вот мы (“интеллектуалы”, “аристократы духа” и проч.) — истинные выразители и творцы культурных ценностей. Антиинтеллигентские кампании всегда с энтузиазмом поощряет бюрократия, отвлекая, таким образом, внимание народа от своих собственных грехов. Ну и, наконец, людям невежественным невыразимо приятно повалить в грязи высокомерных умников.

Интеллигенты — не ангелы, но и не дьяволы. Они — представители конкретного социального слоя, необходимого для современного развития нашего Отечества. К интеллигенции должны предъявляться те же требования, что и к чиновничеству, офицерству, бизнес-элите... *1) Она должна быть профессиональной. 2) Она должна быть национальной.* Национальной не по “чистоте крови”, а в силу приоритета общенациональных ценностей по отношению к любым иным — корпоративным или идеологическим. В конечном счете, современная русская интеллигенция жизненно заинтересована в сильном национальном государстве, только единичные ее представители смогут успешно устроиться за пределами России, остальные “силою вещей” обречены на карьеру в “одной, отдельно взятой стране”. Та же ситуация и у большинства предпринимателей. Союз интеллигенции и буржуазии — важнейшая предпосылка нациостроительства.

Да, в России есть и *откровенно антinationальная* интеллигенция. Но время ее “культурной гегемонии” подходит к концу. Она прямо на глазах превращается в маргинальную секту. Это верный признак нормализации нашего общественного сознания, ибо *национальное и нормальное — синонимы.*